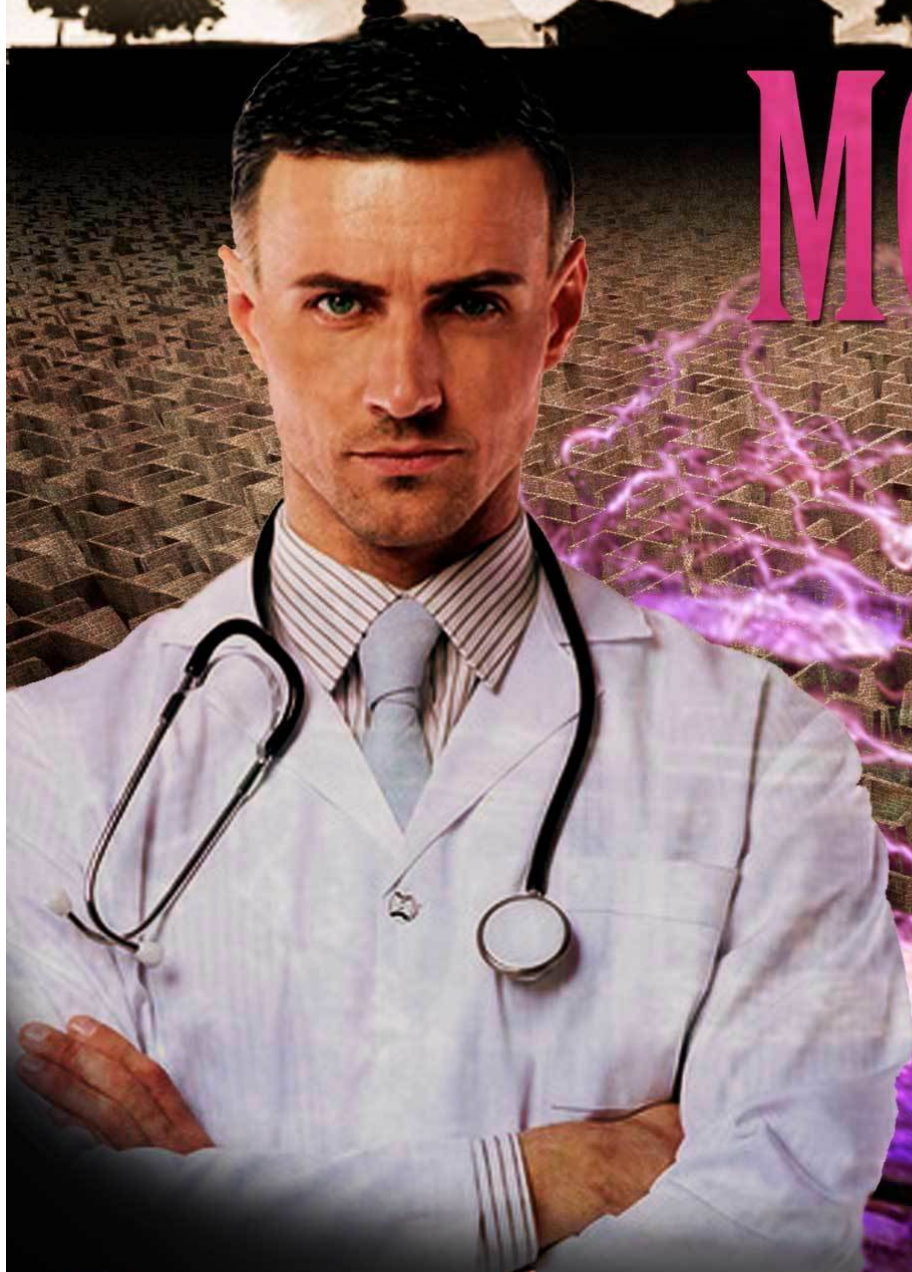

Александр
МИШКИН

ANAMNESIS MORBI

История болезни
Книга 2

Александр Мишкин

**Anamnesis morbi (История
болезни). Книга 2**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мишкин А.

Anamnesis morbi (История болезни). Книга 2 / А. Мишкин —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В жизнь реаниматолога Павла Светина на полном ходу врывается мистика и чертовщина. И хотя Пал Палыч уже научился ничему не удивляться - ведь в силу своей профессии он существует на грани между тьмой и светом, вытаскивая людей из-за смертельной черты - однако это уже чересчур! ...В больнице умирает старый грек Димас, завещая врачу карту Лабиринта, где спрятан исцеляющий жезл Асклепия. Вместе с друзьями Палыч отправляется на его поиски. Ответный удар сил Зла следует из зазеркалья - где идет своя, тайная и жуткая жизнь, там скрывается тьма, отнимающая людские души... Кто же завладеет жезлом Асклепия и поставит жирную точку в этой вечной игре Добра и Зла?

© Мишкин А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Мишкин

Anamnesis morbi (История болезни)

Книга 2

Пролог

Берег Плещеева озера, июль 1991 г., 00–15.

Пикник удался на славу. Несмотря на то, что мальчишки опоздали часа на полтора и заехали за ней с Ленкой, когда уж и не чаяли. Правда, парни нашли «железную» отговорку: якобы ждали, когда «дойдёт до кондиции» замоченное ещё вечером мясо для шашлыка. Настя представила себе эту картину и хмыкнула: сидят три здоровенных лба вокруг кастрюли с мясом, тупо таращатся на неё... ждут, стало быть.

В итоге дождались: выехали не засветло, по холодку, как планировали, а чуть ли не в полдень, когда июльское злое солнце вовсю уже плавало асфальт вместе со всей живностью, которая по нему перемещалась. А потом ещё тащились по забитой трассе в эту тьму-таракань почти четыре часа. Будто бы ближе к Москве не нашлось приличного местечка с лесом, озером, комарами и прочими прелестями загородного летнего отдыха. Да сколько угодно! Так нет же, Серёжка, Ленкин бойфренд (по-русски – хахаль), упёрся: дескать, я вам такое место покажу – закачаетесь!

И ведь убедил-таки, и поскрипел его старенький «Фольксваген» – фургончик аж в Ярославскую губернию, унося в своём чреве их компанию... Ладно, хоть машина просторная, даже со столиком в салоне. Доехали относительно комфортно.

Место и в самом деле оказалось довольно живописным: большое круглое озеро, монастырь на берегу, лес... но никакого такого «экслюзива», ради которого стоило убить полдня только на дорогу.

Настя встала с пенька и потянулась. Пламя костра было почти неподвижно в полном безветрии. Лёшка лениво перебирал струны гитары, уже не в состоянии что-либо петь. Неудивительно, если учесть, что последние два часа они во всё горло непрерывно горланили все известные им песни, останавливаясь лишь для приготовления и принятия очередной порции шашлыка с «Хванчкарой».

Ещё пытались танцевать, но как-то не пошло... Видимо оттого, что пятый персонаж их компании, Михаил, остался в этой поездке без пары... то ли подруга сказала больно перед самым отъездом, то ли просто мягко Мишу послала... В итоге сидел он весь вечер мрачный и с неприкрытой завистью пялился на танцующие у костра счастливые пары. Под таким взглядом как-то не танцевалось... Зато певцом он оказался отменным: с чудным баритоном, глубоким и удивительно душевным. Вот и пели все, дабы не нарушать общую гармонию.

Собственно, грустный брошенный Михаил и был третьим, сидящим у костра. Он меланхолично ворошил веткой угли, периодически неодобрительно поглядывая в сторону одной из трёх их палаток, куда минут десять назад удалились Ленка со своим Серёгой. И вот теперь оттуда доносились совершенно порнографические Ленкины стоны: подружка Настина никогда особой скромностью не отличалась и эмоций своих от окружающих не скрывала. Людям в палатке явно не спалось.

– Вот так и рождаются легенды о жутких лесных жителях. Пройдёт мимо случайный путник, услышит такое, – и поутру вся деревня будет судачить о том, что ночью в лесу опять кого-

то ели... живьём! – Лёшка отложил гитару и тоже встал. – Насть, пошли купаться? Голыми, при луне... романтика!

Настя хмыкнула:

– Днём не накупался? Ты ж, как приехали, так в воду сразу и залез... до вечера. Если бы не шашлык, так бы и сидел там, водорослями обрастал!

– Ты не понимаешь! Днём – это так, банальное купание в тёплой лужице... можно сказать, простой помыв без всякой изюминки. А ночью, под звёздами, окунуть изнурённое жарой тело в блаженную прохладную глубину... м-м-м, это просто восторг какой-то! – Лёшка зажмурился, пытаясь изобразить этот самый блаженный восторг.

Получалось неубедительно: мимика больше напоминала второклассника-переростка, приведенного на приём к дантисту и старающегося всеми силами не допустить злого доктора к себе в рот.

Настя прыснула. Зато ожил Михаил:

– А что, и в самом деле! Пошли купаться! Гулять – так гулять...

– Во-во! Слова не мальчика, но мужа! – Алексей явно обрадовался неожиданной поддержке. – Настюха, большинством голосов решение принято! Собирайся!

– А чего тут собираться-то? – недоумённо пожала плечами Настя. – Сам же сказал, голыми при луне! Миша, мы тебя не смутим?

– И не такое видали! – гордо заявил он, выпятив грудь. Видимо, горечь расставания с любимой уже прошла: Михаил выглядел совершенно иначе, чем ещё десять минут назад.

– Молодец, мужик! – одобрил Лёшка и ткнул его кулаком в плечо. – Хватит хандрить, отдайся радости единения с природой!

– Уже отдался! – хохотнул оживший Михаил и потопал к своей палатке.

– Ты куда? Берег в другой стороне! – окликнул его Алексей.

– Факел возьму. Темно же совсем, не видно ни черта!

Через несколько минут все трое были на берегу. Михаил воткнул в песок горящий факел: толку от него было немного, небольшое пламя разгоняло темноту лишь на пару метров вокруг. Зато романтики – хоть отбавляй. Настя представить себе не могла, как может изменить окружающий мирок живой огонь самодельного факела. Появилась какая-то первозданность, первобытность даже, напрочь сметая глупые условности цивилизации. Исчезла скованность, исчез надуманный стыд... Всё стало просто.

Молодые люди почти одновременно сбросили одежду и обнажёнными ворвались в прохладную тёмную воду. Михаил первым оттолкнулся от медленно понижающегося дна и, сильно загребая длинными руками, быстро поплыл вперёд.

Настя с Лёшкой сразу же отстали, размеренно, неспешно гребя, наслаждаясь восхитительными ощущениями ночного купания. Полная луна снисходительно смотрела сверху на резвящихся в озере людей, услужливо светя тусклым своим светом.

Настя оглянулась. Факел на берегу оказался неожиданно далеко, превратившись в мерцающую оранжевую точку. «Надо же, как далеко уплыли... и не заметили даже!» – подумала девушка.

К ней с фырканием подплыл Лёшка:

– Ну, как? Понравилось? – тяжело дыша и отплёвываясь, спросил он.

– Ещё как! Вот уж никогда бы не подумала, что это так здорово! – повиснув в воде, ответила Настя.

Лёшка обнял её. Прикосновение прохладного тела в воде оказалось приятным. Настя обвила руками его шею и приникла к губам. Поцелуй мог получиться очень долгим... если бы, увлечённые друг другом, молодые люди не ушли под воду с головой, напрочь забыв грести ногами. Расцепившись, они вынырнули на поверхность, откашливаясь и смеясь.

– А в кино-то, в кино-то как всё красиво выходит... и на воде, и под водой... и в разных позах, и подолгу. А дышать-то как? – хохоча, возмущился Лёшка.

– Такой большой, а в кино веришь! Там же монтаж, дублей штук двадцать, компьютерная графика... а тут – суровая действительность и законы физики! – с трудом отдышавшись, весело пояснила Настя, – Слушай, давай к берегу поворачивать. Гляди, как далеко уплыли.

Лёшка оглянулся и присвистнул:

– И правда! Давай грести обратно. А то ещё наша сладкая парочка насытится друг другом, нас не найдёт и будет метаться по лесу с воплями... всю округу перебудят.

– Плохо ты Ленку знаешь. Её заряда ещё часа на три хватит. Зато завтра будет дрыхнуть до вечера, – Настя уже взяла курс на далёкий огонь факела.

Алексей поплыл рядом. Несмотря на то, что они довольно активно работали руками и ногами, огонёк на берегу не увеличивался, так и оставаясь недостижимой оранжевой звездой. Вода, до этого такая ласковая, вдруг показалась холодной и густой жижей, налипающей на руки и ноги, сковывающей движения, сдавливающей грудь.

Насте стало жутко. Продвигаться вперёд в этой тягучей тёмной массе становилось всё труднее, каждое движение теперь стоило невероятных усилий. И холод... вода ощутимо становилась холоднее с каждой секундой. «А ведь можем и не доплыть!» – панически подумала девушка и испугалась этой мысли даже больше, чем чёрной воды.

– А-а, чёрт! – выругался Лёшка и ушёл под воду с головой. Тут же вынырнул, хватая воздух перекошенным ртом и совершая в воде какие-то непонятные движения.

– Лёшик, ты что? – испуганно спросила его Настя, зависнув в совсем уже ледяной воде.

– С-судорога! Ногу свело! – выдохнул Лёшка и опять ушёл под воду. Через несколько долгих секунд вынырнул: в бледном свете луны его лицо казалось совершенно синим и чужим.

Настя в ужасе закричала:

– Палец! Большой палец ноги потяни на себя!

– А я что делаю? – неожиданно спокойно ответил Алексей и вновь погрузился. На этот раз его не было долго: почти минуту. Настя была уже близка к панике, когда вода рядом с ней вдруг забурлила, и юноша вынырнул, нет, буквально выпрыгнул, со свистом втягивая воздух в опустевшие лёгкие.

– Не могу... не помогает! Булавку бы... – он забился, тщетно пытаясь удержаться на поверхности и надышаться про запас. Но чёрная вода вновь поглотила его.

Настя лихорадочно думала. До берега далеко. Булавки, которую можно было бы воткнуть в сведённую мышцу, у неё нет. Лёшка сам не справится, это понятно: ещё два-три раза вынырнет, а потом – всё. Надо срочно что-то делать. Но что? Что она может? Тащить его на себе до берега? Не выйдет, он тяжелее раза в полтора, да ещё и бьётся так, что утянет обоих. Что же тогда? Что?

Лёшка вновь вынырнул. В этот раз он ничего не сказал, видимо, совсем обессилел. Только глотал желанный воздух несколько мгновений, потом тоскливо взглянул на Настю и тихо ушёл под воду. Тёмные волны сыто чавкнули над его макушкой.

Настя, не раздумывая больше, нырнула вслед. Под водой открыла глаза, но разницы не ощутила: тьма стояла кромешная. Руками пошарила перед собой. Пальцы наткнулись на холодное Лёшкино тело, вяло шевелящееся и медленно погружающееся в глубину. Настя быстро перебирала руками по его ногам, пытаясь нащупать сведённую мышцу... ага, вот она! Твёрдый комочек под кожей правой икры. Девушка нырнула глубже, примерилась... и изо всех сил впи-лась зубами в Лёшкину ногу. Во рту появился противный привкус крови, но Настя не останавливалась. Она разжала зубы и вновь укусила подлую сведённую мышцу. Потом ещё раз. И ещё.

Девушка атаковала отказавшую ногу до тех пор, пока не застучало в висках от недостатка воздуха. Но и тогда, преодолевая нарастающее коварное желание сделать полной грудью вдох прямо здесь, под водой, Настя из последних сил вонзила зубы в ненавистный комочек. И он исчез.

Настя схватила безвольного Лёшку за волосы и вместе с ним вынырнула. Сделав пару вдохов, она принялась свободной рукой хлестать парня по щекам:

– Дыши! Дыши! Ну, дыши же, Лёшка!

Он сделал вдох. Потом ещё один. И вдруг задышал: жадно, часто, хватая воздух так, словно боялся, что отнимут.

– Плыть можешь? – спросила его Настя.

– М-могу. Ты молодец. С-спасибо! – и неуверенно поплыл к берегу.

Отдышавшись, Настя двинулась за ним. Сзади раздался далёкий крик. Девушка прислушалась: крик повторился и сразу же оборвался. Сколько Настя ни вслушивалась в вернувшуюся тишину, никаких звуков, кроме всплесков воды от рук плывущего впереди Лёшки, слышно не было. Но в последнем прозвучавшем крике было столько смертельного отчаяния, что можно было не сомневаться: Михаилу тоже приходится несладко. А в том, что кричал именно он, Настя была уверена.

Впереди остановился Лёшка:

– Слышала?

– Слышала. Не останавливайся, плыви.

– Это Мишка. Надо бы помочь ему...

– Плыви. Мы ничем ему не поможем. Если сможет, выплывет. А вот мы, если туда сейчас повернём, точно на дно пойдём... как два утюга.

Лёшка повисел на месте ещё пару секунд, поразмыслил и быстро поплыл. К берегу. Настя – за ним. Остаток пути они проделали без приключений, если не считать стремительно холодеющей воды. У самого берега пловцы с изумлением обнаружили тонкую корку льда, покрывающую мелководье. Нещадно её ломая, молодые люди вышли на берег и без сил упали на тёплый, не успевший остыть, песок.

Первой отдышалась Настя. С трудом она встала, едва держась на подгибающихся коленях. Оглянулась. От воды ощутимо веяло холодом. Вспоротый их телами прибрежный лёд на глазах затягивал свежие раны: вода стремительно покрывалась прозрачной коркой. Под голубым светом полной луны происходящее выглядело совсем уж фантастично.

Настю затрясло: то ли от холода, то ли от испуга, вернее – от всего вместе. Она попыталась высмотреть в мерцающей ряби озера Михаила, но тщетно. Мелкие волны, бросающие тусклые отблески, мешали разглядеть что-либо среди них.

– Миша! – Настя кричала так, как никогда в жизни, – Миша, ты где?! Ми-ша!

Из леса её злорадно передразнило эхо. Настя металась с криками по остывающему песку, близкая к истерике. Её бил крупный озноб, кожа покрылась противными пупырышками, кровоточили множественные порезы от острых ледяных кромок, но она не замечала ничего, всматриваясь в пустынную даль озера и крича, крича...

Сзади её охватили холодные руки. Алексей с трудом поймал беснующуюся подругу и теперь, прижимая содрогющееся тело к себе, пытался её успокоить:

– Настюша, тихо, тихо... всё хорошо, всё закончилось! Не кричи так...

– Что закончилось?! – сквозь слёзы выкрикнула Настя, – Мишка закончился! Он утонул, понимаешь ты, у-то-нул! Только что был живой, а теперь – всё, нет его больше! Нет! Нет! – Она била кулачками по Лёшкиной груди и извивалась, пытаясь вырваться.

– Да выплыл он, выплыл... наверное! Он плавает здорово, не чета нам. Просто где-нибудь в другом месте вылез... – неуверенно возразил Алексей.

– Вылез, как же! Ты же слышал крики? Кто это, по-твоему, был, если Мишка вылез? – Настя перестала вырываться и, обессилив, повисла на его шее.

– Давай возьмём факел и обыщем берег. Может, всё-таки, он выплыл.

– Давай! – всхлипнула девушка.

Они в обнимку подошли к факелу. Лёшка одной рукой вытащил его из песка, другой по-прежнему прижимая к себе дрожащую Настю. Стуча зубами, она жалобно спросила:

– А что с водой-то происходит? Лето же, жара... откуда лёд? Да ещё так быстро!

– Не знаю, Насть... бред какой-то! Так не бывает, – растерянно ответил юноша и склонился над ледяной поверхностью.

Настя тоже присмотрелась. Лёд был почти идеально ровным, отражая в себе, будто в диковинном зеркале, голых людей с факелом. Только теперь они заметили, что до сих пор не оделись, но это обстоятельство их совершенно не тронуло. Лёшка присел и потрогал лёд.

– Не надо! – вырвалось у Насти.

– Почему? – недоумённо пожал он плечами, – Лёд, как лёд. Холодный, скользкий. Похоже, настоящий.

– Ну... не знаю. Просто не трогай его, – девушка и сама не могла объяснить охватившую её тревогу. Да что там объяснять, причин тому и так было более чем достаточно. Чудовищное коварство воды, чуть было не погубившей их с Лёшкой, нелепая и быстрая гибель Михаила (а в том, что он погиб, Настя уже не сомневалась, несмотря на оптимистичную версию Алексея), теперь ещё этот лёд, неведь откуда взявшийся в середине июля... Да что, в конце концов, происходит?!

– Вот дерьмо! – досадливо воскликнул Лёшка.

Настя вздрогнула:

– Ты что?

– Рука! Рука примёрзла! – он с удивлённым лицом дёргал руку, силясь оторвать пальцы от ледяного зеркала.

С ужасом Настя увидела, что его кисть полностью вмёрзла в лёд. Более того, Лёшкина рука погружалась всё глубже в казавшуюся такой твёрдой прозрачную массу. Мгновение – и юноша оказался вмурован в лёд по самый локоть.

– Да что это?! – не веря глазам, Лёшка всё дёргал и дёргал руку. Залитая льдом, она казалась чужой: бледная и совершенно неподвижная. Покрывающий её лёд придавал руке неживой голубовато-зелёный оттенок.

Настя не могла произнести ни слова. Мысли, чувства – всё смешалось в её сознании в один большой ком страха. Слишком много кошмарных событий за каких-нибудь полчаса... слишком много, чтобы быть правдой. И, тем не менее: вот у её ног на коленях, в вычурной позе с замороженной в лёд по локоть рукой, голый, стоял Лёшка. Её Лёшка. Она стряхнула с себя оцепенение и схватила его за плечи:

– Давай вместе! Тяни, сильнее тяни! Ещё сильнее, ещё!

Лёшка рвался изо всех сил. Лицо его скривилось от боли, вены на шее вздулись. Но ледяной капкан крепко держал добычу.

– Попробуй растопить лёд! – Настя заметила, что свободной рукой парень всё ещё держит факел.

Ледяной пленник кивнул и ткнул факелом в лёд. Зашипела в пламени освобождённая вода, но слишком мало было тепла от самодельного факела: тонкие робкие ручейки талой воды, едва убежав в сторону от огня, вновь застывали. Лёшка попробовал поднести пламя ближе к закованной руке и вскрикнул от боли. Мерзко пахло палёным мясом.

– Бесполезно! Тут лом нужен. Или топор, – сквозь зубы процедил обожжённый Алексей.

Настя краем глаза уловила какое-то движение в толще льда. Она всмотрелась: нет, не ошиблась. В ледяном зеркале чётко отражались они с Лёшкой, освещённые оранжевыми бликами пламени. И было что-то ещё...

Откуда-то из зазеркальной глубины на Лёшкино отражение наплывала чернота. Просто бесформенное, размытое пятно тьмы. Оно быстро росло, ширилось, подобно чернильной

кляксе, попавшей на промокашку. Вот уже половина отражения голого юноши скрылась под тёмным покрывалом, ещё миг – и во льду отражается лишь его голова.

– Холодно... – тихо и как-то тоскливо сказал Лёшка. Он прекратил рваться из ледяного плена и теперь просто стоял на коленях, низко опустив голову, словно подставляя её под топор палача. Рука его, держащая факел, разжалась, и Настя едва успела перехватить древко.

А чернота продолжала пожирать Лёшкино отражение. Какое-то время во льду ещё была видна его голова: тёмное пятно будто бы смаковало заглоченную добычу, мелкими волнами то наплывая на отражающееся лицо, то освобождая его. И вдруг, внезапным броском накрыло всё. Во льду отражалась Настя, держащая факел; отражались луна с низкими летними звёздами... а вместо отражения Алексея в ледяном зеркале плескалась чернота. Прожорливая клякса поколыхалась лениво, как бы переваривая проглоченный ею образ... и исчезла, просто растаяв.

Лёшка всё так же молча стоял на коленях, безжизненно повесив голову. И... не отражался. Ошеломлённая Настя осторожно тронула его за плечо. От лёгкого касания юноша покачнулся и завалился на бок, неловко вывернув вмёрзшую в лёд руку. Отвратительно хрустнуло. Лёшка медленно перекатился на спину, изогнув руку под немыслимым, неестественным углом. Насте открылось его лицо: открытые глаза остановившимся взглядом смотрели в небо.

Она дико закричала и, схватив мёртвое тело за плечи, принялась неистово трясти его. Лёшкина голова с деревянным стуком билась о лёд.

– Лёшка! Лё-шень-ка! Ну не молчи, вставай, пойдём отсюда! – умоляла рыдающая девушка.

Он молчал. Настя по-звериному завывала и, отпустив покойника, принялась колотить кулаками равнодушный лёд:

– Сволочь! Сволочь! Сволочь!

И, будто бы разбуженная этим стуком, из подлёдной черноты к беснующемуся Настиному отражению поползла та самая, убившая Лёшку, клякса.

Девушка опомнилась и вскочила на ноги. Сгусток темноты растянулся вширь, как бы раскрывая объятия, и с двух сторон обтекал её босые ступни. Настя отпрыгнула назад, на песок. Чёрная клякса недовольно заволновалась и вплотную подползла к берегу. Настя подняла подвернувшийся увесистый камень и с ненавистью швырнула в черноту.

Камень звонко щёлкнул об лёд, неожиданно легко проломив его. От образовавшейся дыры по зеркальной поверхности льда зазмеились трещины. Девушка, утирая злые слёзы, повернулась спиной к проклятому озеру и побрела к палаткам. Надо было поднимать Ленку с Серёгой и убраться отсюда... Впрочем, наверное, следует вызвать милицию и «Скорую». Хотя никакого представления о том, что говорить врачам и блюстителям порядка, Настя не имела. Да и сама она с трудом осознавала реальность всего происшедшего кошмара.

Что-то заставило её обернуться. На берегу смутно угадывалось лежащее Лёшкино тело. Рядом, машинально воткнутый ею в песок и забытый, догорал факел. Всё осталось по-прежнему.

Но появилась какая-то неправильность. Что-то цепляло Настино сознание, заставляя настороженно вглядываться в темноту, едва нарушаемую пламенем факела... Факел! Настя, наконец, поняла, что именно было не так.

Пламя гасло. Но не так, как гаснет любой огонь, постепенно лишаящийся топлива. Пламя факела затухало неправильно, будто бы втягиваясь внутрь самого себя. Больше всего это походило на то, как если бы кто-то большой невидимым, нечувствительным к жару кулаком сдавливал огонь, заставляя его сжаться до размеров тускло светящейся точки. А потом погасла и она. В навалившейся темноте Настя на несколько мгновений ослепла.

Лишившись зрения, вынужденно-обострённым слухом она услышала невнятный нарастающий шёпот. Слов девушка не разбирала, но была уверена в том, что это именно шёпот, а не шорох листьев на ветру. И шёпот этот приближался со стороны озера.

Зрение постепенно возвращалось. Во мраке замерцали звёзды, из-за кстати убежавшего облака вынырнула луна. В её свете Настя увидела тёмную бесформенную волну, выплеснувшуюся на берег и устремившуюся к ней. Волна мрака накатывала стремительно, сопровождая своё движение тем самым невнятным шёпотом.

Настя рванулась прочь. Песок кончился, под ногами захрустел, зашуршал обычный лесной ковёр из сухой сосновой хвои, сучков и мелких острых камешков. Босые ступни тут же изранились в кровь, но девушка, не разбирая дороги, не обращая внимания на острую боль, мчалась вперёд. Вот и поляна с тлеющими углями костра.

На шум из крайней палатки выскочил Серёжка, на ходу натягивая шорты. Увидел несущуюся на него голую Настю, ошалело открыл рот и, попятившись, рухнул на брезент палатки. Внутри завизжала Ленка.

Настя подбежала к барахтающемуся Серёге, схватила за плечи и сильным рывком поставила на ноги. Из руин палатки показалась Ленкина встрёпанная голова:

– Насть, ты что? Что стряслось? И почему голая? Не смотри!

Последнее касалось Серёжки, который столбом стоял перед Настей, в упор разглядывая её.

– Скорее, бежим! Бросайте всё, бежим! Иначе – смерть! Лёшка с Мишкой погибли, а ей всё мало! Да бегите же, мать вашу! – неожиданно для себя Настя выругалась и, схватив одной рукой Ленку, другой Серёжку, с силой поволокла их за собой.

Ленка споткнулась и упала. Настя, выпустив от рывка её руку, по инерции пробежала несколько шагов, протаскивая Серёгу.

– Так, стоп! Не пойду никуда, пока не узнаю, в чём дело! – Настина подруга демонстративно уселась на землю, скрестив ноги, – Рассказывай по порядку.

Настя открыла рот, но сказать ничего не успела: из-за сосен бесшумно выплеснулась волна мрака и накрыла Ленку. Всего на мгновение. И тут же схлынула, чуть откатившись и остановив свой стремительный бег.

Ленка осталась сидеть на том же месте, в той же позе... только что-то неуловимо изменилось в её глазах. Девушка ещё несколько мгновений сохраняла прежнее положение, а потом мешком рухнула на прошлогоднюю хвою.

– Ленка! – Сергей, ожив, выдернул руку из Настиных пальцев и бросился к лежащей подруге, – Ленка, что с тобой? – он тормозил безжизненное тело почти так же, как Настя Лёшку всего несколько минут назад. И с тем же результатом: мёртвая Ленка молчала и только безразлично мотала головой.

Затаившаяся в паре метров темнота оживилась, почуяв новую добычу. Настя не успела даже окликнуть склонившегося над телом подруги Сергея: мрак окутал и его, лишь на миг скрыв от Настиных глаз. И вновь всё повторилось: темнота отступила назад, оставив на земле ещё один труп.

Настя закричала: дико, страшно. Она просто стояла и кричала, сквозь слёзы глядя, как густая бесформенная тень, перекатившись через тела её друзей, неспешно, по-хозяйски уверенно подползала к ней. Она кричала, не переводя дыхания, когда чернота коснулась её израненных ног и, обжигая холодом, поползла вверх по обнажённому телу. Она кричала, выдыхая из лёгких последний воздух и тогда, когда ледяная волна достигла груди, больно сжав сердце. И лишь когда мрак хлынул в её разодранный криком рот, наступила тишина.

Часть первая Время барабабашек

Глава 1

Сегодня, 17 июля, 14–20, реанимационное отделение.

– Пал Палыч!

– М-м-м-м...

– Пал Палыч!

– М-м-м-м... нет меня...

– Пал Палыч, Антонида плохо! Уши синие совсем!

–ь! – пытаясь по очереди открыть глаза, я вскочил с кушетки. Какой уж тут сон: упомянутого Антонида прошлой ночью реанимировали четыре раза. Дед оказался старой закалки: из четырех клинических смертей выходил молодцом (то бишь, в полном сознании и с грязными реликтовыми русско-греческими ругательствами, послушать которые поначалу сбегались многоопытные в этом отношении дежурные хирурги; потом, правда, надоело: реанимируемый при каждом очередном воскрешении оригинальностью не блистал и весь текст воспроизводил с начала и дословно). И вот теперь – «уши синие». Нехорошо-с!

– Мыли? – поинтересовался я у сестрички Клары, принесшей тревожную весть.

– Что? – хлопнула она ресницами (готов поклясться, хлопок был слышен).

– Уши, спрашиваю, мыли?

Дошло. Хихикнула, развернулась и умчалась в палату. Я мельком взглянул на сладко сопящего Витаминача, страстно обнимающего во сне стол, и решил, что пока обойдусь без помощи шефа. Кто его знает, что там с ушами...

17 июля, 08–45, реанимационное отделение.

Сутки начались без затей. Привычно подрёмывая на ходу, я вошёл в ординаторскую. Сквозь клубы табачного дыма нашарил взглядом таящихся по углам коллег в количестве трёх штук. Коллеги лихорадочно строчили что-то в историях болезни и лениво переругивались по поводу того, кому идти «сдаваться» на пятиминутку к главному.

Выпало, естественно, Михалычу, как самому юному и безответному. Он обречённо вздохнул, бормотнул что-то невнятное, но явно малоцензурное, ухватил под мышку «Книгу Судеб» и отправился пред начальственные очи представлять собой наше славное отделение.

Небольшое отступление. Это у нормальных людей, ведущих свойственный большинству приматов дневной образ жизни, сутки начинаются в 00 часов 00 минут. У нас, ненормальных (т. е., реаниматологов), сутки начинаются в 9-00. Именно в этот чудный миг мы заступаем на дежурство. Справедливости ради, следует признать: кроме подвида реаниматологов, к этой категории «ненормальных», живущих в собственном временном континууме, относятся ещё и врачи «скорой помощи», охранники, и многие другие, даже пожарные. Но мы гордо (и небезосновательно!) ощущаем себя значительно ненормальнее.

Неслышно вошёл Витаминач. Задумчиво закурил ядрёную «Приму», обошёл с рукопожатием личный состав, ненадолго задержался у мониторов центральной станции... Наконец, открыл глаза и попытался проснуться. Неудачно.

– Кто помер? – осведомился он.

– Да живы все... – виновато развела руками отдежурившая смена.

– Сутки прожиты зря... – цинично констатировал шеф и предпринял вторую попытку проснуться. Сопутствующая мимика была ужасна.

– Мы старались... – понурились отдежурившие коллеги.

– Старатели, блин... Кто вчера додумался в морг на реанимацию бежать?

Коллеги издали короткий утробный звук, подавив то ли рыдание, то ли истеричный хохот. Вперёд выступил Гуськов. Утирая слезящиеся от воспоминаний глаза, он начал вещать. История оказалась трогательной, с элементами дешёвого триллера.

Накануне вечером «скорая» привезла в приёмное отделение найденного в соседнем парке деда. Старичок совершал моцион, как вдруг, схватившись за грудь, начал уходить в мир иной. Коллеги из подоспевшей «скорой» старательно мешали ему это сделать, но не преуспели: когда дедушку доставили в приёмное, он, увы, почил окончательно.

В приёмном, как водится, погрузили бречное тело на каталку и повезли в морг. Там его встретила санитарка, которой покойник показался каким-то неубедительным... Ну, не поверила она ему. Подозрительная девица, недолго думая, набрала заветный номер реанимации и начала истошно верещать в трубку о том, что, дескать, у нас тут труп, который не труп, а вовсе даже живой...

Делать нечего, дежурная смена с гиканьем помчалась в прозекторскую... Какой диалог состоялся между разочарованными докторами и бдительной санитаркой – можно только догадываться. Лишь две фразы процитировал Гуськов:

– С чего ж ты, (неумная женщина) решила, что труп жив?!

– Дык, он того... тёплый был...

Витаминыч терпеливо выслушал рассказ, обвёл взглядом корчащихся докторов и скорбно констатировал:

– Послал Бог работничков! Вся больница с утра на ушах стоит. Вы теперь – герои анекдотов... Петьки и Чапаевы. В следующий раз в крематорий побежим?

– Так нет у нас крематория, Виталий Вениаминыч! Не мегаполис, чай... – сокрушённо вставил я.

– Вот незадача! – огорчился шеф. – А вы, доктор Светин, решили коллег грудью прикрыть? Мой праведный гнев на себя отвлечь? Благородный вы наш... сами-то давно покойничка трёхчасовой свежести воскресить пытались?

Крыть было нечем. Пару дежурств назад нашу бригаду вызвали в приёмное, куда бесчисленное рыдающее цыганское семейство доставило своего главу. За три часа до этого, мирно трапезничая в кругу семьи, глава вдруг посинел и помер. Что уж там с ним творили соплеменники, неизвестно (есть версия, что пытались вернуть к жизни с помощью колдовства). Но покойник остался в прежнем состоянии и совет племени порешил обратиться к врачам.

Обнаружив в смотровой окончательный труп, я недобро взглянул на врача приёмного отделения. Тот не менее выразительно скосил глаза в сторону мрачной цыганской толпы, гудящей неподалёку. Я всё понял...

Полчаса мы честно имитировали процесс реанимации: били несчастное тело током, в поте лица массировали сердце, поставили подключичку и с умным видом вводили в неё физраствор... Я даже интубировал покойника и долго принуждал его дышать (кстати, при интубации извлёк из гортани огромный недожёванный кусок мяса, который и вызвал безвременную кончину: цыганский барон банально подавился). Словом, резвились по полной.

В конце концов, остановив действие, я подошёл к цыганам, картинно смахнул крупные капли пота со лба и скорбно покачал головой. Женщины завывали с новой силой, а суровые мужчины долго благодарно жали руку, роняя скупые слёзы...

– Виталий Вениаминыч, вы же сами признали, что в тех обстоятельствах имитация реанимации была единственным правильным решением! Зато никто не пострадал... и больница цела осталась, – гордо заявил я.

– Ага... а ещё Палыч получил сертификат на сотню бесплатных гаданий у рынка, – свредничал Гуськов. Коллеги лениво заржали.

– Ладно, проехали... – буркнул шеф. – Кого сегодня переводим?

– Семёнова, Звягинцева и Горскую, – из своего угла отозвался Петрович. – Все мои... осиротею.

– Не бойсь. Свято место пусто не бывает. Компенсируем, – пообещал Витаминыч.

В подтверждение его слов захрипел телефон. Я снял трубку:

– Реанимация.

– Это приёмное. Тут суицид. Море крови, давайте к нам, срочно!

– Какой, к лешему, крови?! У нас кардиореанимация! Хирурги где?

– На операции, их реаниматоры там же. Запарка. Так что, не отвертитесь! – злорадно хохотнул доктор Симакин на том конце провода.

– Вылетаем.

Провожаемый ироничным помахиванием шефовой ручки, я выскочил в коридор. Следом с грацией грузёного самосвала нёсся Петрович, увлекая за собой сестричку Клару и второй чемодан с реанимационным набором. Первый чемодан, который полегче, эгоистично ухватил я. С дружным топотом мы пронеслись через живой коридор из больных, испуганно жавшихся к стенам соседней с нами кардиологии, и ворвались в лифт.

Древний лифтёр понимающе ткнул пальцем в кнопку первого этажа:

– Хреново кому-то?

– Ещё нет, но ща будет! – оптимистично пообещал Петрович и хищно посмотрел на старца.

Дедок испуганно умолк. Лифт в последний раз издал звук делающего себе сеппуку самурая и замер. Мы прибыли.

Приёмное встретило нас воплями, доносящимися из смотровой. «Орёт – значит, дышит... по крайней мере, выдыхает», – промелькнула мысль. Вопли были выразительны по интонациям и похабны по содержанию. И удивительно знакомы...

В смотровой нас встретила ехидная улыбочка доктора Симакина:

– Орлы! И двух минут не прошло! Долго тренировались?

– Каждую ночь по три часа... а ещё отрабатываем удары ногами по почкам. Показать? – деловито осведомился я и изящно отвёл ногу.

Петрович украдкой показал Симакину средний палец правой руки. Тот хмыкнул и приглашающим жестом указал на кушетку с возлежащим на ней телом.

Тело принадлежало Савоськину и орало. Савоськина знала вся больница: каждые два-три месяца этот сорокалетний юноша предпринимал попытку покончить с собой на почве очередной несчастной любви. Как можно догадаться, до сих пор эти попытки успеха не имели.

Вот и теперь, судя по окровавленной левой руке, наш Казанова тщетно пытался вскрыть себе вены. Но, поскольку это больно, всё свелось к десятку неглубоких царапин. Неэстетичный вид крови Савоськина огорчил и он знакомой тропой помчался в ближайшую больницу. То есть, к нам.

– И кого тут реанимировать? – мрачно поинтересовался я у Симакина.

– Меня! – вместо коллеги ответил умирающий Савоськин и улёгся поудобнее.

Я решил быть недобрым:

– Савоськин, она тебя бросила?

– Бросила, Палыч... стерва такая. А я ей даже стихи писал... два! Хочешь, прочитаю?

– В другой раз. Бросила, значит. А ты, стало быть, опять себя порешить захотел?

– А зачем мне теперь жить? – резонно удивился Савоськин.

– И в самом деле. А скажи мне, Савоськин, как ты себя убивал... в этот раз?

– Ну, взял я на кухне ножик... Раз резанул, два резанул. Больно, ...ь! Водочки выпил, чтоб не так болело. Ещё порезал немного. Гляжу, крови набежало. Ну, я ещё водочки... Потом она кончилась, я оделся и к вам.

– К нам-то зачем? Ты ж помереть хотел, а мы ведь не дадим!

Савоськин задумался, рассматривая исцарапанную руку.

– Рука болит. Полечите. Всё равно нынче не вышло.

– Слышь, Савоськин, – встрял в нашу душевную беседу Петрович, – совет хочешь?

– Хочу! – всхлипнул самоубийца-неудачник.

Петрович навис над ним и провёл пальцем по боковой поверхности савоськиной шеи:

– Ты в следующий раз вот тут режь! И ножичек-то наточи...

Доктор Симакин заржал. Савоськин с минуту переваривал полученную информацию, а потом начал вопить. Он вопил о том, как не любят его женщины и врачи-реаниматологи. О том, как суров и несправедлив к нему этот грёбанный мир. О том, как омерзительно и трудно резать себя тупым кухонным ножом... и как никто в этом мире не ценит его стараний. О том, как содрогнутся все, узнав о его кончине, и зарыдают в голос, и будут кусать себе локти, но будет поздно. О том, как болит его рука и надо бы перевязать, и где тут у нас сортир...

Последнюю фразу мы слышали уже из лифта. Лифтёр молча отвёз нас на наш седьмой этаж.

– Есть примета: с утра встретишь Савоськина – сутки наперекосяк, – ни к кому не обращаясь, произнёс я.

– Угу, – мрачно согласился Петрович.

Глава 2

17 июля, 23–55, отделение кардиологии.

Вика плыла под водой в невероятно красивом море. Под ней раскинулся коралловый разноцветный лес, наполненный своей, донной жизнью. Куда-то по своим делам неспешно брела парочка крабов; смешные полосатые рыбки что-то обирали пухленькими губками с замшелого камня. Величественно взмахивая крыльями, проплыл-пролетел скат. Пурпурная актиния захватила своими щупальцами зазевавшуюся рыбёшку и теперь готовилась ею позавтракать. Или поужинать, потому что в этом чужом мире судить о времени было невозможно.

Вика почувствовала, что пора выныривать. Она выдохнула остатки воздуха и, быстро перебирая ластами, поплыла вслед за пузырьками к поверхности. Но, подняв голову, Вика с ужасом увидела вместо ожидаемой зеркальной границы, за которой был желанный воздух, всё тот же коралловый лес. Там, наверху, куда она стремилась, было дно. С теми же губастыми рыбками, крабами и актиниями. И совершенно без воздуха.

В панике Вика заметалась от верхнего дна к нижнему, выжигая в себе остатки кислорода. И, когда желание сделать вдох стало нестерпимым, она поняла, что умирает. И проснулась.

Удушье не проходило. Вика часто дышала, стараясь вогнать в лёгкие как можно больше воздуха, но это не помогало: голова кружилась от недостатка кислорода, а в глазах продолжением кошмарного сна вспыхивали разноцветные огни. Руки и ноги похолодели, ощущаясь тяжёлыми, непослушными, чужими.

С трудом Вика села в постели. Стало чуть легче, но ненадолго. Через минуту удушье накатило с новой силой, а вместе с ним одолел приступ кашля. Вика поднесла ко рту салфетку и с недоумением принялась разглядывать появившиеся на ней розовые пенящиеся пятна.

К ней пришёл страх. Даже не страх, нет: чувство, охватившее её, нельзя было назвать просто страхом. Это был ужас: тот самый, леденящий, животный ужас, о котором так часто пишут в романах, но которого сама Вика доселе не испытывала никогда. Она попыталась вдохнуть, чтобы закричать, но вместо крика из груди вырвался жуткий клочущий хрип вместе с розовыми брызгами. И второй раз за это утро Вика поняла, что умирает... теперь наяву.

Два месяца назад, 13–25, персональная выставка Виктории Боровой.

– Вика, это успех: несомненный и заслуженный!

Николай Глебович Ерохин, как всегда, расплёскивал эмоции. Ещё бы: первая персональная выставка его ученицы – и сразу такой аншлаг! Весь Нероградский художественный бомонд собрался и даже маститые живописцы из столицы почтили своим присутствием выставку Вики. И не просто почтили, но и в один голос восторгались экспрессией и какой-то пронзительной искренностью картин неизвестной доселе провинциальной художницы. Да, это действительно был успех.

– Спасибо, Николай Глебыч! Только это больше ваш успех, чем мой. Я ведь выставила свои старые работы, которые, в общем-то, так или иначе уже демонстрировались почтеннейшей публике. А вы смогли организовать выставку и преподнести их по-новому. Спасибо вам!

– Да полно тебе, Вика! Я всегда говорил, что твои картины гениальны. И сейчас только ещё более утвердился в своей правоте. Это тот случай, когда ученица превзошла своего учителя... ладно, не красней, пошли пить шампанское и принимать поздравления!

Старый художник, увлекая за собой ученицу, ринулся сквозь толпу к накрытому столу. Раскрасневшаяся Вика едва поспевала за ним, на бегу приветственно кивая знакомым, мало-знакомым и вовсе чужим лицам. Неожиданный триумф смущал её. Чтобы преодолеть это смущение, Вика приняла из чьих-то рук полный бокал шампанского и залпом выпила его до дна.

– Жена, а ты, оказывается, тайный алкоголик! Вот так живёшь-живёшь с человеком пятнадцать лет и не знаешь его слабостей. Надо бы тебя почаще на пик славы забрасывать... глядишь, ещё чего вскроется. – Михаил приобнял супругу за талию и чмокнул в щёку. – Поздравляю! Народ ликует.

– А ты? – Вика почувствовала, как стремительно хмелеет.

– А я что? Или я – не народ? – оскорбился муж. – Я – его яркий представитель. И посему ликую тоже. Могу даже в воздух чепчики покидать. Где тут у вас чепчики раздают?

– Колпак бы тебе выдать... шутовской. Ты почему опоздал?

– Извини, дорогая, меня не отпускали благодарные больные. Ну, просто вцепились посиневшими скрюченными пальцами в одежды и умоляли: «Ну полечите же, полечите нас ещё!». Порвали халат и дрались за лоскуты. А я сбежал.

– Твои больные – фетишисты?

– Нет, они просто без ума от своего доктора... Ну, хорош я, хорош. Что ж поделать. – сокрушённо вздохнул Михаил, сотворяя из четырёх маленьких бутербродов с икрой один большой. – Я, зато в книге отзывов тебе такую запись оставил – закачаешься! На трёх страницах.

– И что же накропал?

– Не помню уже. Это же в порыве вдохновения. Муза пришла и ушла. Вкратце смысл сводится к тому, что ежели какой смертный не восхищён твоими полотнами, то горе ему, ибо ущербный он разумом и убогий духом. И пристало ему лишь биться челом неразумным о стену кирпичную до полного избавления от жизни своей пустой и никчёмной. – муж попытался поместить созданную им конструкцию в рот. Конструкция оказалась значительно больше входного отверстия. Михаил озадаченно осмотрел её и начал с аппетитом употреблять по частям.

– Врун, хвостун и обжора. – констатировала Вика, смахивая осыпавшуюся икру с любимого мужниного галстука.

– Угу... зато чертовски обаятельный, – согласился муж, оценивающим взглядом окидывая блюдо с пирожными.

Вика собралась было ещё раз пройтись по поводу appetитов своего благоверного, но поняла безнадёжность иронии и махнула рукой. К тому же к ней вновь подлетел Ерохин:

– Голубушка, прошу на подиум. Ты просто обязана сказать прочувственную речь жаждающей публике. И не забудь горячо и от всего сердца поблагодарить своего старого учителя за его невероятное терпение. – Николай Глебович вновь железной, совсем не старческой хваткой, стиснул Викину руку и помчался к небольшой сцене.

Вика, совершенно смущённая, поднялась к микрофону. Сердце бешено застучало.

– Дорогие друзья! Я знаю, что должна что-то сказать, причитающееся случаю, но абсолютно не знаю, что именно. Я вижу, что мои картины доставили вам радость... и, наверное, это самое главное для меня: знать, видеть, чувствовать радость близких и дорогих сердцу людей... и знать, что к зарождению этой радости приложила руку я сама. Что-то я очень сумбурно говорю, но, надеюсь, вы поняли, что я хочу сказать. Я всех вас люблю и безумно благодарна каждому из вас... и поверьте, есть за что. – Вика улыбнулась, поймав взгляд Ерохина. – И особенно благодарна своему учителю за его невероятное терпение!

– Ты забыла сказать «старому учителю»! – под смех окружающих выкрикнул Николай Глебович.

– Не забыла. Язык не повернулся назвать вас старым... – Вика хотела продолжить мысль, но вдруг почувствовала, что её язык действительно не поворачивается. Она растерянно стояла перед микрофоном, смотрела на десятки обращённых к ней глаз и... молчала. Онемел не только язык: от самых пальцев ног вверх по её телу словно устремились тысячи ледяных муравьёв... и там, где прошли они, не осталось ничего живого. Её тело ниже пояса просто исчезло: осталась лишь холодная тяжесть. Вика успела понять, что, как только эта волна холода достиг-

нет груди, её дыхание остановится. И это понимание стало последней оформленной мыслью перед тем, как Вика потеряла сознание.

Два месяца назад, 17–40, отделение реанимации.

...Свет бил в глаза даже через закрытые веки. Открывать их Вике совершенно не хотелось: там, снаружи, приглушенно звучали чьи-то чужие голоса и непонятные звуки... а ещё царили резкие, какие-то казённые и незнакомые запахи. Вика прислушалась к своим ощущениям и обнаружила саднящую боль под правой ключицей: словно неведомый злодей воткнул туда шило, да так и оставил.

Всё-таки приоткрыв глаза, она скосила их вправо и с удивлением обнаружила торчащую из своего тела полупрозрачную трубку, уходящую куда-то вверх. Проследив за ней взглядом, художница увидела висящий над собой небольшой пластиковый пакет, из которого очень медленно капала в трубку прозрачная жидкость. «Капельница! – сообразила вслух Вика, – Это же капельница! А я – в больнице!»

– Совершенно верно! И даже не просто в больнице, а в реанимации. Уж так вышло, Виктория Николаевна, – говорил человек в светло-зеленой хирургической пижаме, стоящий у Викиной кровати. – Позвольте представиться: Виталий Вениаминович Торопов, заведующий этим отделением и ваш врач на сегодня, – говоривший человек улыбнулся, и эта улыбка Вике понравилась.

– А почему только на сегодня? – поинтересовалась она.

– Потому что, во-первых, завтра моё дежурство закончится, и я покину сие заведение, а во-вторых, полагаю, что и вы тут не задержитесь... у нас, знаете ли, долго не залёживаются. Если всё пойдёт хорошо, завтра вас переведут в соседнее отделение. В кардиологию. И там вы обретёте постоянного доктора. Так что, до завтра я в полном вашем распоряжении! – доктор опять улыбнулся и, взяв Вику за запястье, уставился на свои часы.

– Что со мной случилось, Виталий Вениаминович? Я помню мою выставку, банкет... я что-то там говорила... пыталась сказать речь... а потом – темнота и тишина... и вот вы, больница... реанимация! Я что, умирала? И почему кардиология? У меня инфаркт?! – последние слова Вика почти прокричала.

– Ну, отчего же сразу инфаркт. Для него вы слишком молоды... дамы в вашем нежном возрасте инфарктами не болеют. Это, знаете ли, удел мужчин... – Торопов закончил считать пульс и поднял глаза на Вику: – Нет, голубушка, у вас не инфаркт. У вас случилось внезапное нарушение сердечного ритма... так называемый пароксизм. Сердечко ваше начало биться с несвойственной ему скоростью, больше двухсот пятидесяти раз в минуту. При такой частоте оно просто не успевало наполняться кровью в диастолу... ввиду практического отсутствия оной... соответственно, в систолу в сосуды мало что попадало. А поскольку вашему творческому мозгу, как и прочим, нетворческим, нужен кислород... а кислород, как известно, поставляется с кровью... а крови при вашем состоянии в мозг практически не поступало... вот вы и потеряли сознание. И попали в наши чуткие руки. Я понятно излагаю?

– Пока да... а почему у меня всё это случилось? Ну, этот самый... пароксизм? И это может повториться?

– Виктория Николаевна, я пока не могу ответить на все ваши вопросы. Мы всего лишь устранили состояние, угрожавшее вашей жизни. Не было времени анализировать, почему оно возникло. Теперь мы можем спокойно вас обследовать и понять причину пароксизма. И, разумеется, избрать тактику дальнейшего лечения. Но для этого потребуется какое-то время. А пока отдыхайте и набирайтесь сил. – врач с улыбкой коротко пожал Викину руку и вышел из палаты.

Вика задумалась. С одной стороны, здорово, что всё обошлось: она жива, чувствует себя вполне здоровой и даже бодрой... с трудом верится, что всего несколько часов назад она при

всём честном народе брякнулась без сознания на банкете в её же честь. Но с другой стороны... попасть в реанимацию в тридцать семь... как-то это неприятно и наводит на нехорошие мысли. Надо будет Мишку попытать на предмет этих... пароксизмов. Тьфу ты, слово-то какое: на «клизму» похоже. Муж, хоть и хирург, но должен же что-то про сердце знать. Наверняка должен. А этот Виталий Вениаминыч ничего... приятный такой. Улыбка славная... и голос. Голос просто завораживающий. Вика улыбнулась: не хватало ещё в своего доктора влюбиться! Водень просто был бы.

И с этой мыслью заснула.

Глава 3

17 июля, 14–25, реанимационное отделение.

Уши у Антонида и в самом деле были нездорового цвета. Да и сам он не производил впечатления организма, полного жизненных сил. А что вы хотите: деду месяц назад стукнуло сто семь лет... устало тело, устало. Да и испытаний на его долю выпало немало. Полжизни прожил на благословенном Крите, рыбачил себе в Средиземном море... или в Адриатическом? Надо бы на глобусе поглядеть. Ещё оливки выращивал. Потом каким-то ветром после Второй мировой Антонида занесло в Союз. Это, ежели не все помнят, страна была такая: Советский Союз называлась. На месте нынешней России и сопредельных «дружественных» держав. Так вот, после войны наш грек, тогда еще не очень древний, по неведомым причинам эмигрировал со своего острова в Киев, где тут же был признан шпионом всех империалистических держав вместе взятых и отправлен в лагерь куда-то под Ухту. После смерти Сталина из лагеря его выпустили, но в Киев обратно не пустили, отправили поднимать целинные северо-казахстанские земли. А уж потом, возделав целину, старый грек осел в нашем тихом, приграничном с Казахстаном, Нерограде. И теперь каждый год, вот уж пять лет исправно попадает к нам с очередным инфарктом. Но в этот раз, похоже, дед всерьёз решил окончить свой жизненный путь.

– Что у нас с давлением? – поинтересовался я у Клары.

– Девяносто на шестьдесят. Это на допамине.

– А без него?

– Без него давление не определяется. И дышать сразу перестаёт.

Я воткнул в уши фонендоскоп и послушал грековы лёгкие. Там нещадно хрипело и хлюпало.

– В сознание приходил?

– Ненадолго. Несколько раз. Что-то лопотал по-своему.

– Ладно, сделайте ему девяносто преднизолона, шестьдесят лазикса и кислород через спирт. Отёк лёгких возвращается... впрочем, он и не уходил далеко, – мрачно добавил я.

Клара засуетилась со шприцами. Я ещё раз взглянул на уши болезного и с удовлетворением отметил возвращение природного цвета. Кислород делал своё дело.

Уже на выходе из палаты я услышал хриплый голос:

– Палыч...

Я резко обернулся. Антонида лежал в той же позе, но теперь глаза его были открыты и пронзительно смотрели на меня. По спине пробежал холодок. Старый грек сейчас вовсе не был похож на того, которого мы все так хорошо узнали за эти годы. Нет, он не был теперь привычным старым работягой, виртуозно матерящимся по-русски с греческим акцентом по любому поводу, а чаще без него. Не был он и неодушевлённым «больным на второй койке», как часто величали его дежурные сёстры. Что-то вдруг изменилось в нём, отчего старый грек Димас Антонида обрёл непонятную, необъяснимую величественность. И лежал-то он теперь на своей койке, аки император на смертном одре. Запавшие чёрные глаза сделались бездонными и, казалось, засасывали в себя свет, отчего вокруг умирающего грека словно бы образовался кокон из сумрака. «Чур меня, чур!» – пришла на ум подобающая случаю фраза. Наваждение прошло.

– Палыч... – повторил Антонида.

– Да, Димас, я тут. – я вернулся к его кровати. – Полегчало немного? Вот и славно. Сейчас ещё лекарства подействуют, и станет совсем хорошо.

– Помираю я, Палыч... Не перебивай, я знаю, что умираю. Мало времени... мне рассказать тебе надо... передать... – грек закашлялся.

– Не надо бы вам разговаривать, Димас.

– Надо, Палыч... обязательно надо... Кроме меня никто не знает... никто...

– Чего не знает? – наш диалог всё больше напоминал беседу Ипполита Матвеевича Воробьянинова с умирающей тёщей.

– Ты хороший врач, Палыч. Ты меня спасал... не помню сколько раз... только больше не надо... устал... пора мне. Ты запомни обязательно... – Антонида опять умолк, закашлявшись.

– Что запомнить, Димас?

– Агия... Агия Пелагия... Агия...

– Это кто?

– Это не кто... это что. Деревня моя... рыбацкая деревня... там, на Крите. Теперь, наверное, город. Давно не был, не знаю...

– Ладно, запомнил: Агия Пелагия. Ваша деревня. И что там?

– Езжай туда...

Оп-ля! Интрига закручивается. Теперь я должен лететь на далёкий греческий остров Крит для посещения родных мест Димаса Антониды. А красивое название у деревеньки-то: Агия Пелагия. Звучит! Надеюсь, он не попросит меня привезти горсть родной земли на его могилу? Хотя, летом на Крите должно быть хорошо... почему бы и не слетать простому советскому... пардон, российскому доктору в выходные на Крит? Делов-то...

– Езжай... найдёшь дом Антониды... на берегу, старый каменный... наверняка сохранился, ему лет двести уже... больше. Спросишь, покажут. Над домом – скала... высокая, похожая на голову... нос есть, глаза, брови. Не ошибёшься... В доме подвал... Дальняя стена от входа... – грек говорил всё медленнее, видно было, с каким трудом даётся ему каждое слово.

Я не верил своим ушам. Приключенческий роман просто какой-то... Остров сокровищ, блин. Сейчас он скажет, что в стене той – тайник, а в нём – карта, которая приведёт к старинному пиратскому кладу... или не пиратскому, но точно – к кладу. Вот ведь ситуация: и прервать разговор негоже: дед, похоже, искренне верит в собственный бред; и слушать дальше – смешно. Димас между тем отдышался и продолжил:

– Стена сложена из камней. Во втором ряду снизу третий камень справа не закреплён... вынешь его, засунешь руку. Достанешь амфору... небольшую, залитую воском. Внутри карта. Старая карта, мне ещё от прадеда досталась. Пойдёшь по ней...

– Куда? – я едва сдерживался.

– В Лабиринт. Лабиринт Минотавра. Под Кносским дворцом.

Я ощутил себя идиотом. Если грек сейчас сообщит, что для полного счастья мне следует найти там же, на Крите, девушку по имени Ариадна и вместе с ней отправиться мочить милую зверушку с головой быка и телом человека, я, пожалуй, не сильно удивлюсь. Но, чёрт возьми, как бы поделкатнее прервать этот бред?

– Димас, вы устали! Может вновь начаться удушье. Давайте сделаем паузу. Я всё запомнил, когда отдохнёте, расскажете мне, что делать дальше. Договорились?

Антониды захрипел:

– Ты верь мне, Палыч! Я с ума не сошёл и не брежу... понимаю, что трудно поверить, но ты верь... всё правда, Богом клянусь... Кроме тебя больше некому. Ты достоин, ты сможешь... сможешь его достать. Ты не понимаешь... но поймёшь, поймёшь позже... Езжай туда, Палыч, найди его... найди...

– Кого найти, Димас? О ком речь? Я действительно не понимаю.

– Подвал... второй ряд снизу... третий камень справа..., – грек с трудом выкашливал из себя каждое слово, – амфора... Возьмёшь карту, спустишься с ней в Лабиринт. Никто не знает, что он там... никто... Он не должен быть потерян... он точно там... ты его найдёшь... ты сможешь...

Я был заинтригован. Похоже, Антонида не бредит. И не врёт. По крайней мере, искренне верит в то, о чём говорит. Да и не принято как-то на смертном одре лукавить. Осталось только выяснить, о ком (или о чём) идёт речь.

– Димас, кого я должен найти в Лабиринте? Надеюсь, не Минотавра?

– Шутишь... это хорошо, что шутишь. Он любит весёлых. Сердце весёлого человека закрыто для зла... ты сможешь его достать. Тебе он откроется. Много веков никому не открывался... да и не знал никто... искали многие, да не там. Никто не знал... И теперь не знают... только старый Димас знает, где искать. Но Димас умрёт... и знание с ним... А он не должен исчезнуть. Найди его, Палыч... больше некому...

– Да кого его-то?

– Жезл... Жезл Асклепия...

Дед выдохнул последние слова и закатил глаза. Противно запищал монитор: на экране вместо сердечных комплексов появилась беспорядочно пляшущая зелёная линия.

– Фибрилляция! Клара, лидокаин, адреналин, живо! Звони тревогу! – Я от души треснул нехстати умершего грека кулаком по груди, схватил «утюги» дефибриллятора и нажал кнопку зарядки. Завыл звуковой индикатор. Дождавшись прекращения сигнала, я прижал электроды к груди Димаса:

– Отошли! Разряд! – Тело Антонида привычно подпрыгнуло в кровати, подстёгиваемое пятикиловольтным импульсом. Зелёная кривулька на мониторе продолжала свою пляску. В палату, что-то дожёвывая, влетел Петрович. С ходу оценив обстановку, он коршуном бросился на грудь страдальца и принялся массировать сердце. Подоспевшая Клара впрыснула в подключичку лидокаин. Вновь завыл звуковой индикатор и тут же замолк.

– Отошли!

Петрович поспешно отпрыгнул от реанимируемого тела и за хлястик уволок за собой Клару.

– Разряд!

Полумёртвый грек вновь подпрыгнул. Три пары глаз уставились на монитор. «Пляска смерти» продолжалась. Петрович, не переставая жевать, вновь захрустел грековыми рёбрами, делая массаж сердца. Заряжая дефибриллятор в третий раз, я нехстати вспомнил о просьбе Антонида не реанимировать его боле. Вой зарядника прервался:

– Отошли! Разряд!

– Есть ритм! – Петрович дожевывал, наконец-то, еду. – И даже синусовый!

На мониторе и в самом деле неуверенно побежали долгожданные зубцы. Я положил на место «утюги» и поискал на запястье грека пульс. Тот нашёлся сразу: судя по наполнению, с давлением у нашего долгожителя тоже всё было в порядке.

– Сто тридцать на восемьдесят! – подтвердила мои догадки Клара.

– Отключай допамин, ставь двести лидокаина капельно, потом – поляризующую. И кислород, само собой. Похороны пациента откладывается на неопределённый срок. Простые русские доктора в неравной борьбе победили старуху-смерть...

Петрович пропел:

– Ехал грека через реку,
Вдруг упал кирпич на греку,
Грека тихо в реку бряк,
А в реке – голодный рак!

И добавил: – Не дали доест, злыдни! Ну ничего, ничего нет святого... Никакой заботы о здоровье подрастающего поколения!

– Твоё поколение, Петрович, не только подросло... у него уже вторичные половые признаки появились, а также либидо и поллюции. Практически затянувшийся пубертат... поздний, – задумчиво пробормотал я, изучая грековы зрачки.

– В тебе, Палыч, говорит зависть старого чахлого дистрофика к молодому здоровому, полному сил и любимому женщинами организму. Клара, подтверди: этот организм любим женщинами? – Петрович ткнул себя пальцем куда-то в пупок. Видимо, там и находился центр молодого организма.

Клара, подбирая вокруг димасовой кровати плоды нашей бурной жизнедеятельности, хихикнула:

– Этот организм либо ест, либо спит. Когда его любят женщины, непонятно.

Петрович обиженно засопел:

– Это гнусные инсинуации! У меня бывает масса промежуточных состояний...

– А вот о твоих промежуточных состояниях при даме упоминать не стоит, – встревожено замахал я руками на молодой организм, любимый женщинами. – Вряд ли Кларочке интересно подробное описание твоих физиологических отправления...

Клара отрицательно покачала головой:

– Совсем не интересно. Лучше вы, Пал Палыч, расскажите, что это вам за страшную тайну наш грек открыл? Вы там тихо шептались, но я краем уха кое-что слышала...

Я сделал скорбное лицо:

– Жаль, дитя моё... очень жаль. Ты узнала мою тайну и теперь мне придётся тебя убить. Но сначала буду долго и крайне болезненно пытаться, дабы узнать, что ты успела услышать. – со звериным оскалом я потянулся скрюченными руками к горлу Клары. Она взвизгнула и отпрыгнула за широкую спину Петровича. Тот деловито осведомился:

– Палыч, поддержать её? А деньги мы разделим пополам...

– Эх, я к нему за защитой, а он... а ещё здоровым организмом назвался! Да за такую женщину любой организм, даже больной, на амбразуру бросится! – Клара с укоризной выговаривала Петровичу, однако из-за него не высывалась.

– На амбразуру – легко! А на Палыча – не буду. Во-первых, потому что друг и коллега, а во-вторых – он, хоть и худой, но айкидо знает... побьёт. – Петрович развернулся, вытащил из кармана яблоко и протянул Кларе. – Вот... от сердца последнее отрываю. Вернее, от желудка. Это для меня труднее, чем на амбразуру. Мир?

Клара гордо приняла яблоко, грациозно сделала книксен и величаво удалилась из палаты. Мы с Петровичем проводили её взглядами, нескромно думая об одном и том же.

– Да... и как тут работать в таких условиях? – сглотнув, риторически поинтересовался Петрович. – А кстати, Палыч, о чём это она говорила? Какие такие тайны тебе Димас открыл пред ликом смерти?

– Не поверишь. Как в лучших приключенческих романах. Надо лететь на Крит, найти там карту, потом с этой картой в Лабиринт, к Минотавру... и будет мне счастье. Гипоксия мозга вкупе с энцефалопатией рождает загадочные образы.

Петрович задумчиво посмотрел на бесчувственного грека:

– Думаешь, бред? А вдруг? Чем чёрт не шутит... ему сколько лет-то? Сто с гаком... Может, и в самом деле зарыл что-то... или предки его.

– Петрович, я тебя умоляю! Ты, конечно, организм молодой, но не грудной же! Всё ещё в сказки веришь?

– Хочется верить в сказки, Палыч. Ох, хочется. Ладно, пошли кофе пить, а то, неровен час, ещё кто-нибудь помирать соберётся, а ты вовсе с утра не евши... нехорошо-с!

Глава 4

Два месяца назад, 23–35, отделение реанимации.

Вика проснулась отдохнувшей и в хорошем настроении. Снился чудный сон; о чём именно, правда, она вспомнить не смогла, как ни пыталась. Но ощущение радости осталось. Его не смогло испортить даже возвращение к суровой реанимационной действительности. Вика огляделась. Из капельницы в неё продолжала очень медленно поступать неизвестная, но, наверное, весьма полезная жидкость. В больших окнах, выходящих в коридор отделения, постоянно мелькали чьи-то головы. У выхода из палаты за маленьким столиком уютно устроилась симпатичная медсестра, увлечённо читая при свете настольной лампы. За тонкой ширмой похрапывал кто-то... наверное, соседка по палате.

Только сейчас Вика с удивлением обнаружила, что на ней ничего нет, кроме тонкого одеяла в казённом пододеяльнике с рисунком из слова «Минздрав». Впрочем, не только: на груди обнаружились три круглые наклейки, от которых тянулись разноцветные провода. А над кроватью висел странного вида телевизор, в который эти провода уходили. По экрану непрерывно бежала кривая зелёная линия. «Это же моё сердце так работает», – догадалась Вика. Она долго заворуженно следила за ритмичными всплесками на экране, силясь понять, что должна означать эта кривая, да так и не пришла ни к чему. Утешила себя мыслью о том, что если бы что-то было не так, сюда бы уже примчались врачи во главе с давешним Виталием Вениаминовичем.

В палату стремительно вошёл незнакомый высокий врач. Лицо его скрывала марлевая маска. На ходу стаскивая с рук резиновые перчатки, доктор обратился к встрепенувшейся сестре:

– Кларочка, в третьей палате у Смольцовникова давление рухнуло. Я ему в дозатор добутрекс заправил. В палате сестричка новенькая, присмотри за ней. Робеет и суетится.

– Хорошо, Пал Палыч! – Кларочка вспорхнула из-за стола и исчезла в коридоре.

Вика оцепенела. Этот голос... она узнала бы его из миллионов. Даже если бы сестра не назвала его по имени-отчеству, ошибиться было бы невозможно. Но как? Пятнадцать лет прошло, ни разу не встретились в их небольшом городе. Уезжал? Наверное, уезжал. И вот, надо же было так... попасть сюда, к нему... Господи, что же делать-то?

Вика испытала два противоречивых желания: по-детски спрятаться с головой под одеяло и закрыть глаза, или, сорвав с себя все эти дурацкие трубки и провода, броситься ему на шею, как тогда, раньше... И плевать, что без одежды, не впервой... хотя, наверное, фигурка у неё уже не такая точёная, как в двадцать два... но пока ещё очень даже ничего, мужики оглядываются. «Господи, о чём я думаю!» – ужаснулась Вика собственным мыслям.

Светин тем временем, стянув с лица маску, листал чью-то историю болезни. Привычка сосредоточенно хмуриться с годами его не оставила, отметила Вика. И вообще, изменился мало: разве что черты лица стали острее, утратили прежнюю юношескую, даже, пожалуй, детскую какую-то мягкость... и седины многовато для его сорока... «Он же на шесть лет старше», – вспомнила Вика. Значит, ему уже сорок три... а выглядит намного моложе. Впрочем, и сама она на свой возраст не тянула... по распространённому и, хочется надеяться, объективному мнению.

Вика лихорадочно думала, как поступить. Прятаться глупо: нет никакой надежды на то, что врач за сутки ни разу к ней не подойдёт. Да и не хочет она прятаться, если честно. Скорее наоборот... вернуться, вернуться назад, на пятнадцать лет, пусть ненадолго, на миг хоть бы... Господи, какая же дура... тогда душой была, да и сейчас ею осталась! Вот, положил свои бумажки, поворачивается, уйдёт сейчас... ох, дура!

– Пашка!

Светин вздрогнул и замер на месте, спиной к ней. Не оборачиваясь, тихо произнёс, словно самому себе отвечая:

– Викуша.

Медленно, осторожно повернулся, встретился взглядом... «Всё-таки изменился, глаза вон какие жёсткие стали... повзрослел Пашка!» – успела подумать Вика. Светин шагнул к ней...

В наступившей тишине раздался пронзительный писк. На табло рядом с входной дверью красным цветом замигала цифра «3». В коридоре забегали, в Викину палату заглянула запыхавшаяся Кларочка и, с трудом переводя дыхание, выпалила:

– Пал Палыч, в третьей – клиническая смерть!

– Смольцовников?

– Он! – Кларочка умчалась.

Доктор виновато взглянул на Вику и выбежал следом.

В палату вошла незнакомая сестра. Она напрямик направилась к Викиной постели:

– Добрый вечер! Виталий Вениаминыч распорядился сделать вам снотворное. Вам нужно очень хорошо отдохнуть.

С этими словами сестра воткнула шприц в торчащую из Викиного тела трубку. «Как же нелепо всё...» – успела подумать Вика, прежде чем провалиться в неестественно-глубокий сон.

Глава 5

17 июля, 15–40, реанимационное отделение.

Есть совершенно не хотелось. Я потягивал вторую чашку кофе, пытаюсь понять, что же меня «зацепило» в разговоре с Димасом. А ведь зацепило, факт. Иначе не думал бы последние полчаса о далёком городке с милым женским именем Агия Пелагия.

Итак, Асклепий. Он же Эскулап в древнеримской транскрипции. Греческий бог медицины, бог-целитель. Заслуживший немилость самого Зевса за то, что замахнулся на него, Зевсову монополию: воскрешать мёртвых. За что и получил. Зевс Асклепия то ли сам молнией порешил, то ли Аиду поручил устранить оппозиционера. Словом, пал один бессмертный бог от руки другого бога, более бессмертного.

Успел Асклепий породить дочерей, Панацею и Гигию... чем они знамениты, убейте, не помню. Вроде бы пошли по стопам папеньки, тоже успешно врачевали, но не зарывались и на устои не посягали.

И был, значит, у Асклепия жезл... Помню, что обвит он был змеей, отсюда и символ медицинский пошёл: «наша мама ест мороженое», то есть, змея с рюмкой... или чашей, если угодно. Но вот о том, куда делся жезл после кончины хозяина, зачем он нужен, что он может... полный пробел в знаниях. Табуля раса, как говорили древние римляне. Чистая доска, стало быть... Ни с чем, ни с какими событиями жезл Асклепия у меня не ассоциируется. А ведь должен, не мог такой артефакт просто пропасть бесследно, тут Димас прав.

Я поймал себя на мысли о том, что думаю об Асклепии с его причиндалами, как о реальной древней личности. Ох, Антонида, чем же ты меня зацепил-то? Меня, старого скептика! Да, сдавать стал, если уж на такие сказки купился... Я набрал номер местного телефона:

- Клара, когда Антонида в себя придёт, мне сообщи, плиз.
- Обязательно, Пал Палыч! Что, тайну золотого ключика не всю выведали?
- Ещё слово, несчастная, и я брошу тебя в тёмный чулан с пауками. Как Буратино. Несносная девчонка хихикнула и отключилась.

Два месяца назад, 00–55, отделение реанимации.

Смольцовников не выжил. Сердце просто взяло и остановилось: сначала возникла полная поперечная блокада с ритмом двадцать в минуту. Я поставил ему кардиостимулятор, но это помогло ненадолго: минут через десять сердце просто перестало реагировать на внешние импульсы. Полная асистолия и ноль реакции на все наши старания. Будто рубильник выключили.

Я писал посмертный эпикриз и пытался разобраться в собственных эмоциях. В пятой палате каким-то образом оказалась Вика. Шеф принял её днём, пока мы с Гусковым в кардиологии реанимировали очередного болезного. Не скрою, её внезапное появление застало меня врасплох, словно выстрел в спину. Казалось, что за годы, прошедшие с того дождливого сентябрьского дня, когда она заявила о своём желании расстаться, мне удалось заполнить вмиг образовавшуюся пустоту. Зияющую, холодную и совершенно неожиданную... всё ведь было хорошо, почему вдруг Вика решила уйти? Она не объяснила. Да я и не пытался выяснять. А через два месяца вышла замуж. Тоже за врача, хирурга-онколога, кажется. Или не онколога? Неважно.

Важно другое: хватило одного её слова, чтобы понять – я не исцелился. И это – несмотря на пусть и не вполне удачный бездетный, но шестилетний, всё-таки, брак; и на последующие романы, и просто мимолётные приятные увлечения. Иные героини тех романов и романчиков были очень даже ничего... во всех отношениях. Но Вика... С глаз долой – получилось, а вот из сердца вон – увы-с!

Я притянул к себе её историю болезни. Так, пароксизмальная наджелудочковая тахикардия, аритмогенный шок. Шеф обошёлся без электроимпульсной терапии, быстренько купировал аденозином. Что же это вы, Виктория Николаевна, в пароксизм-то сорвались? Ну-ка, что успели посмотреть? Кровь спокойная, кардиограмма после восстановления ритма вполне нормальная. Эхо... где тут эхо? Я перевернул последнюю страницу: искомый листок с данными ультразвукового исследования сердца почему-то оказался подклеенным не на своё место. Посмотрим...

В грудь прокрался неприятный холодок. Сердце Вики было просто огромным, с фантастически расширенными полостями предсердий и желудочков, заключёнными в истончённые мышечные стенки. Вот оно как... дилатационная кардиопатия. Судя по размерам полостей, биться этому сердцу осталось совсем недолго... пару-тройку месяцев, полгода – максимум. И всё это время – в отёках, с синими губами, в удушье, ни лечь – задохнёшься, ни встать – обморок. Только сидя, спать и то сидя, обложившись подушками, чтобы, неровен час, не лечь... Как же так, откуда? И ведь не поможешь ничем, разве что пересадкой сердца... но это – очередь в ожидании донора на годы, а болезнь Вике этого времени не даст. Странно, что сейчас у неё пока нет признаков сердечной недостаточности, как пишет Витаминыч в истории. С такими-то полостями... Но это ещё хуже: те, кто долго компенсируются, молниеносно сгорают... Сколько же времени у неё осталось? И знает ли она уже? Вряд ли шеф ей сказал сразу после пароксизма: могла опять сорваться в тахикардию на фоне эмоционального всплеска.

Я вышел в коридор и встал у большого окна в пятую палату. В неярком свете дежурного освещения лицо Вики было совершенно спокойным, даже умиротворённым каким-то. Лежит низко, дышит спокойно: монитор показывает шестнадцать в минуту, норма. Ритм синусовый, с пароксизмом шеф сладил легко. Нет, точно не знает пока... вон, как улыбается во сне. Спи, Викуша, спи... завтра у тебя будет трудный день. Впрочем, как и все последующие.

Неслышно подошёл Витаминыч:

– Молодая, красивая... жаль. Кардиопатия у неё.

– Знаю, прочитал уже. Ей не сказали ещё?

– Не рискнул, нам сейчас эмоциональные потрясения ни к чему. Завтра узнает. Муж у неё – наш коллега. Хирург из областного онкодиспансера. Боровой Михаил, не слышали?

– Нет, не довелось как-то. – Я ещё раз взглянул на Вику и двинулся за шефом в ординаторскую.

17 июля, 17–25, реанимационное отделение.

Клара впорхнула в ординаторскую, заставив Петровича оторваться от очередного бутерброда. Он недовольно заворчал:

– Клара Артуровна, отчего это вы появляетесь именно в редкие моменты моей трапезы?

– Это оттого, Иван Петрович, что иных моментов у вас просто не бывает. Впрочем, эту тему мы с вами нынче уже обсуждали! – Клара повернулась ко мне: – Пал Палыч, Антонида в сознании, разговаривает. Вас требует.

Я отложил ручку и вышел вслед за сестрой. Димас и в самом деле довольно резво ворочался в кровати, покрхтывая и что-то бормоча по-гречески. Судя по интонациям, грек был чем-то недоволен:

– Палыч, я же просил... не надо было меня спасать. Устал я.

– Ну, Димас, уж извините. Работа такая. Да и не договорили мы.

– Всё запомнил? Повтори! – потребовал старик.

– Агия Пелагия, ваш старый дом под скалой в форме головы, дальняя стена в подвале, третий камень справа во втором снизу ряду. Запечатанная амфора. Достать карту и топтать в Лабиринт за жезлом Асклепия. Всё точно?

– Точно... но есть ещё кое-что. Открой тумбочку.

Я выдвинул верхний ящик. Там лежали очки, вставная челюсть и ключи. Я вопросительно посмотрел на грека.

– Ключи... ключи возьми. Туркестанская, семь, квартира четырнадцать. Я один живу, дома нет никого. В шкафу, в нижнем ящике шкатулка. В ней возьми печать... такой камень пятиугольный. Храм высечен... с колоннами... как в Акрополе, только меньше. В Лабиринте печать понадобится... когда жезл найдёшь. Без печати жезл не взять...

Классика жанра. Всё в лучших традициях: герой обладает чем-то, что приведёт его к сокровищам. Полагается ещё злодей (или злодеи), которые будут строить всяческие козни, мешая герою добраться до цели и спасти мир. А грек тем временем, отдышавшись, продолжал:

– Бери ключи, Палыч! Возьми печать, найди жезл... ты сможешь...

Я пристально посмотрел в тёмные глаза грека и понял, что ключи я возьму.

– Хорошо, Димас. Но скажите мне, этот жезл... Он зачем нужен-то? Что с ним делать, когда достану?

– Жезл даёт дар... Только жрецы Асклепия могут его принять... только они могут найти и взять сам жезл...

– Димас, где ж я жрецов-то найду?

Старик захрипел и больно вцепился в мою руку:

– Не понимаешь, Палыч? Ты – жрец Асклепия, его служитель. Ты – врач!

– Допустим. А что за дар даёт жезл?

– Исцеление... Дар исцеления... точно знаю. И ещё что-то... Никто не владел жезлом после Асклепия. Никто не знает точно, что может жезл... какая сила в нём. Ты узнаешь. Ты будешь первым... после бога... После Асклепия. Ты заслужил, Палыч...

По моей спине пробежали мурашки. Удивительным образом странные слова старика воспринимались всерьёз. Грек не врал, не сочинял, не предполагал даже. Он просто ЗНАЛ. Знал, что в самом деле жил на Олимпе бог-целитель Асклепий, и был у него жезл, и кто-то упрятал этот жезл в Лабиринт после гибели бога. И вот теперь мне предстоит вернуть этот жезл миру.

Я почувствовал себя Брюсом Уиллисом, летящим к астероиду. А старик продолжал вещать:

– Только учти, Палыч: как только ты возьмёшь печать и начнёшь свой путь к жезлу, обратного хода не будет. О том, что ты пошёл за ним, узнают очень скоро...

– Кто узнает?

– Охотники... не знаю, кто они, откуда, как выглядят... Прадед тоже не знал. Но он говорил так: того, кто пойдёт за жезлом, будут преследовать охотники. Будь осторожен, Палыч... будь осторожен...

Старик закрыл глаза и, отпустив мою руку, откинулся на подушку. Глаза его закрылись. Сознание вновь покинуло многострадальца. Я присмотрелся: да нет, просто уснул. Ладно, Димас, спи, отдыхай, а я пойду переваривать полученную информацию.

Сделав пару шагов к двери, я остановился. В ушах прозвучал хриплый голос грека, призывающий меня взять ключи. Сам не зная, зачем, я вернулся к кровати Антонида и достал из тумбочки увесистую связку. Обещал, всё-таки...

17 июля, 23–59, отделение реанимации.

Звонок телефона разорвал в клочья блаженную тишину ординаторской. Я вскочил с кушетки, пытаюсь разделить сон и явь, схватил трубку:

– Реанимация!

– В кардиологии клиническая смерть! Семьсот двенадцатая палата! – проорал в трубку доктор Симакин и отключился.

– Петрович, в ружьё! В кардиологию на реанимацию!

Мы выскочили в коридор и, подхватив «волшебные чемоданчики», устремились в кардиологию. Из седьмой палаты выбежала Клара и пристроилась в арьергарде. Боевым порядком мы пролетели тёмный коридор отделения: у семьсот двенадцатой столпились изгнанные Симакиным из палаты больные. Внутри царил полумрак, на койке у окна лежало тело пожилой женщины. Мы с Петровичем поставили чемоданы и схватились за углы матраса:

– Три, четыре! – Больная вместе с матрасом оказалась на полу. Я нащупал пальцами сонную артерию. Петрович занёс кулак над грудиной...

– Стой, Петрович!!! – Мой вопль опоздал на долю секунды. Хрясь! Кулак коллеги опустился на грудь больной...

– А-а-а, убивают! Вы что ж делаете, ироды! – покойница истошно заорала и принялась стряхивать с себя ошалевшего Петровича, – Да что ж это творится-то?! Спала, никого не трогала... на пол швырнули, бить стали! За что?!

Петрович вопросительно уставился на меня. Я пожал плечами:

– Был пульс. Я хотел сказать, но ты успел раньше...

– А где наш труп? – возмутился коллега.

И в самом деле. Вызывали-то на реанимацию. Симакин, хоть сволочь изрядная, но врач неплохой, и такими вещами шутить не станет. Кто-то действительно умер, а мы тут время теряем. Почти минуту коту под хвост. Мы переглянулись и вновь схватились за матрас:

– Три, четыре! – визжащее тело вновь оказалось на кровати. Я на секунду задержался:

– Простите, сударыня! Обознались, – и, провожаемые проклятиями покойницы-симulantки, выскочили в коридор. Тётки больничных халатах заверещали:

– Сюда, сюда вам, скорее, – тыча пальцами в соседнюю семьсот тринадцатую. Я выругался про себя: то ли у Симакина дефект дикции, то ли у меня дефект слуха. Ладно, потом разберёмся. Мы вихрем влетели в искомую палату.

Первое, что бросилось в глаза – ритмично двигающаяся симакинская спина в промокшем насквозь халате. Коллега делал массаж сердца, видимо, уже давно.

– Петрович, замени! Клара, маску, гармошку, клинок! И готовь подключичку. – я выхватил из рук сестры дыхательный набор и присел у головы умирающего... умирающей! Вика!

– Пал Палыч, вы что? – окрик Клары вывел меня из оцепенения. Я запрокинул Викину голову и прижал к её лицу маску:

– Петрович, стоп!

Коллега прекратил массаж. Я сделал гармошкой вдох. – Давай дальше. На «пятнадцать – раз».

Петрович кивнул и начал бормотать отсчёт. Клара быстро раскладывала всё необходимое для интубации. На счете «пятнадцать» Петрович остановился. Я сделал ещё два вдоха и схватил поданный Кларой ларингоскоп. Так, язык отжать, надгортанник вверх... вот она, гортань. Скверно, ах, как скверно! Из гортанной щели выползла розовая пена. Отёк лёгких!

– Трубку!

Клара вложила мне в руку интубационную трубку. Я аккуратно ввёл её в трахею, подсоединил гармошку и начал вентиляцию. Сестра раздула манжетку и зафиксировала трубку.

– Петрович, что с ритмом?

Он прижал «утюги» к груди Вики. На мониторчике дефибриллятора беспорядочно заплескала зелёная змейка.

– Фибрилляция! Заряд!

Мерзко, с нарастающей амплитудой, завыл звуковой индикатор зарядки и через три секунды умолк.

– Отошли!

Я поспешно убрал руки.

– Разряд!

Викино тело выгнулось дугой. Змейка на мониторе продолжала судорожно извиваться. Петрович чертыхнулся, отбросил «утюги» и продолжил массаж.

– Всё готово для подключички! – Клара времени зря не теряла. Я отложил гармошку и в несколько движений установил катетер в подключичную вену.

– Лидокаин, восемьдесят.

Клара стремительно отламывала ампулам головки. Петрович опять схватил «утюги». Раздался знакомый вой зарядника. Я качал гармошку, тщетно пытался нащупать левой рукой пульс на сонной артерии и отрешённо смотрел на Вику. «И это всё, что я любил...», – невесть откуда пришла на ум цитата.

Происходящее носило совершенно сюрреалистический характер. Нет, всё было привычным: клиническая смерть, реанимация, чёткие действия по устоявшемуся алгоритму... вот только тело, которое мы терзали в попытках вернуть к жизни, принадлежало Вике... а когда-то и мне. И это было насквозь неправильным...

– Отошли! Разряд!

Мгновенная пронизывающая боль вонзилась в левую руку, так и не нашедшую пульс на шее Вики. Сильнейший удар отбросил меня от неё. Боль горячей лавиной пронеслась по всему телу, заставив сердце судорожно сжаться. Я удивлённо посмотрел на Петровича, беззвучно что-то кричавшего, попытался вдохнуть, чтобы ему ответить... и не смог. А потом наступила холодная темнота.

Глава 6

Когда и где – непонятно.

Существо больше всего напоминало Чебурашку, изрядно пополневшего и заточившего себе уши напильником под острый угол. При этом псевдо-Чебурашка лишился своей привычной мохнатости, зато обрёл грандиозный панковский ирокез рыжей масти. Ирокез задорно торчал между заострёнными ушами и ритмично поддёргивался: существо что-то старательно жевало. Одето оно было как-то по-крестьянски: в длинную, почти до пяток грубую холщовую рубаху. Очень похоже, что домотканую. Неведомая зверушка сидела в ногах моей кровати и болтала босыми пятками в воздухе.

Стоп. Я увлёкся изучением странного гостя и не сразу понял, что нахожусь в родной реанимации... только вот по другую сторону баррикад, так сказать. Я лежал на койке в нашей «люксовой» десятой палате (вся люксовость которой сводилась лишь к её одноместности). Под правой ключицей у меня торчал катетер, в него что-то там капалось. Ба, даже к монитору подключили! Ну-ка, что там у нас? Синусовый ритм, отлично, поживём пока. А что это у меня грудь так саднит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.